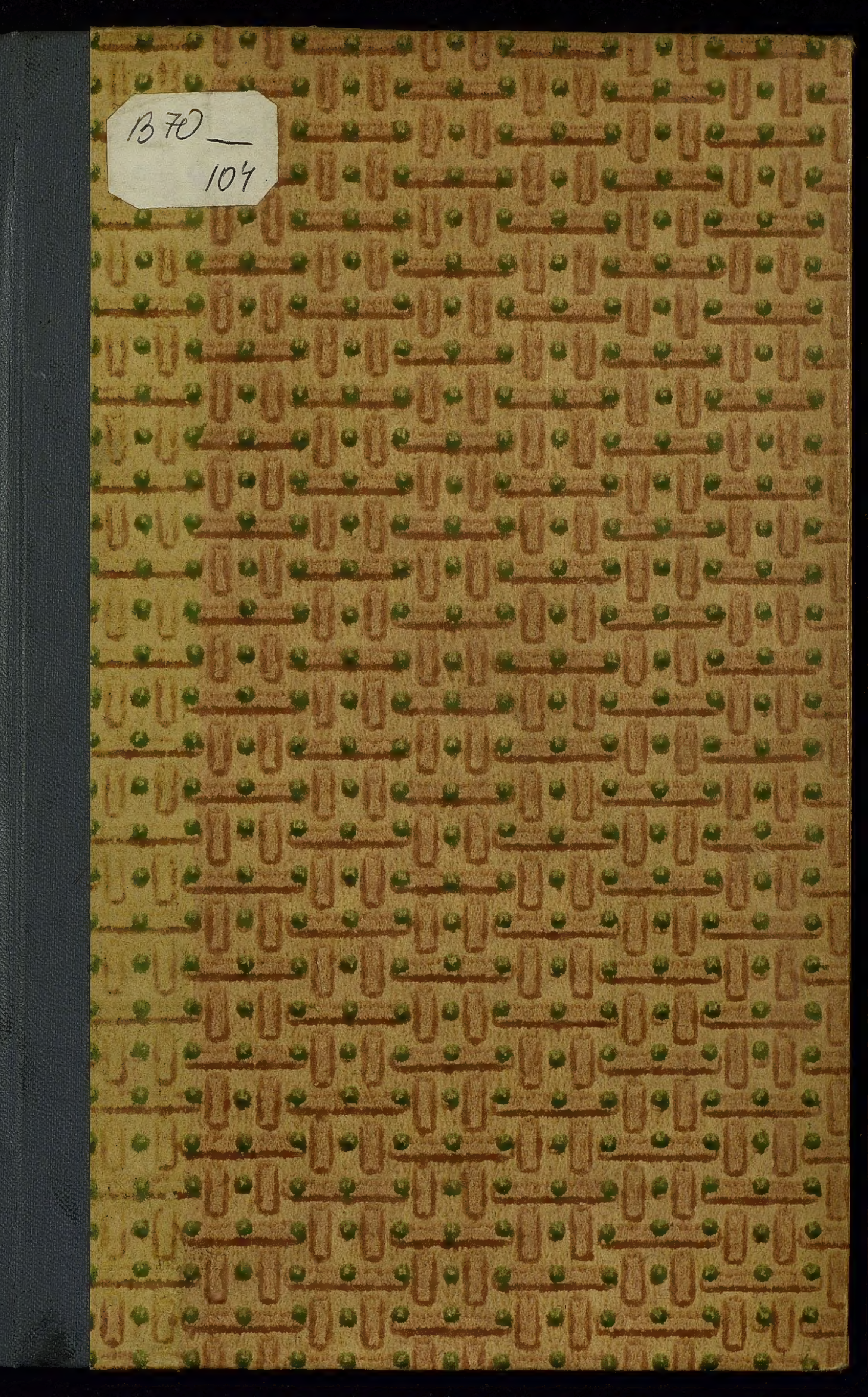
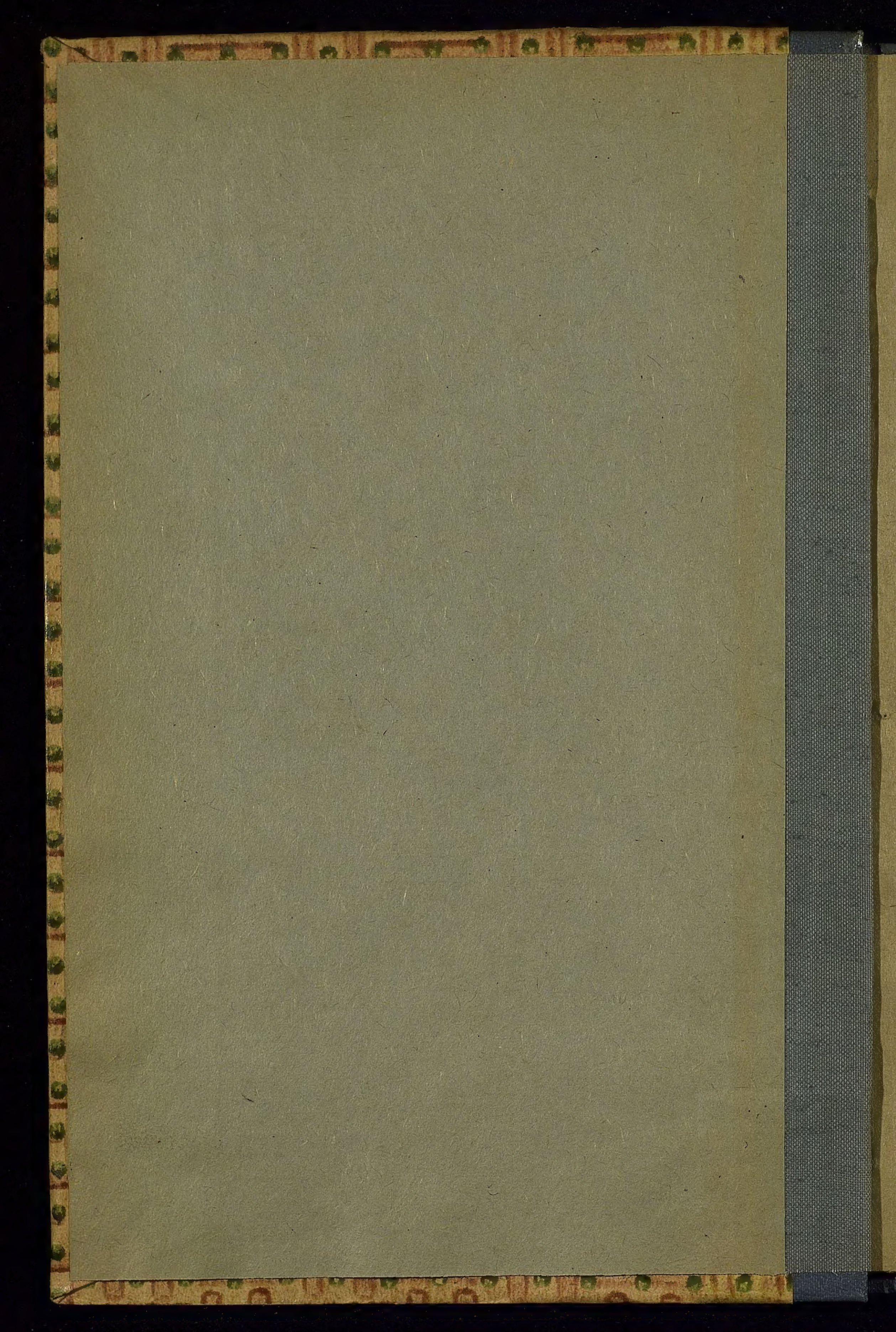




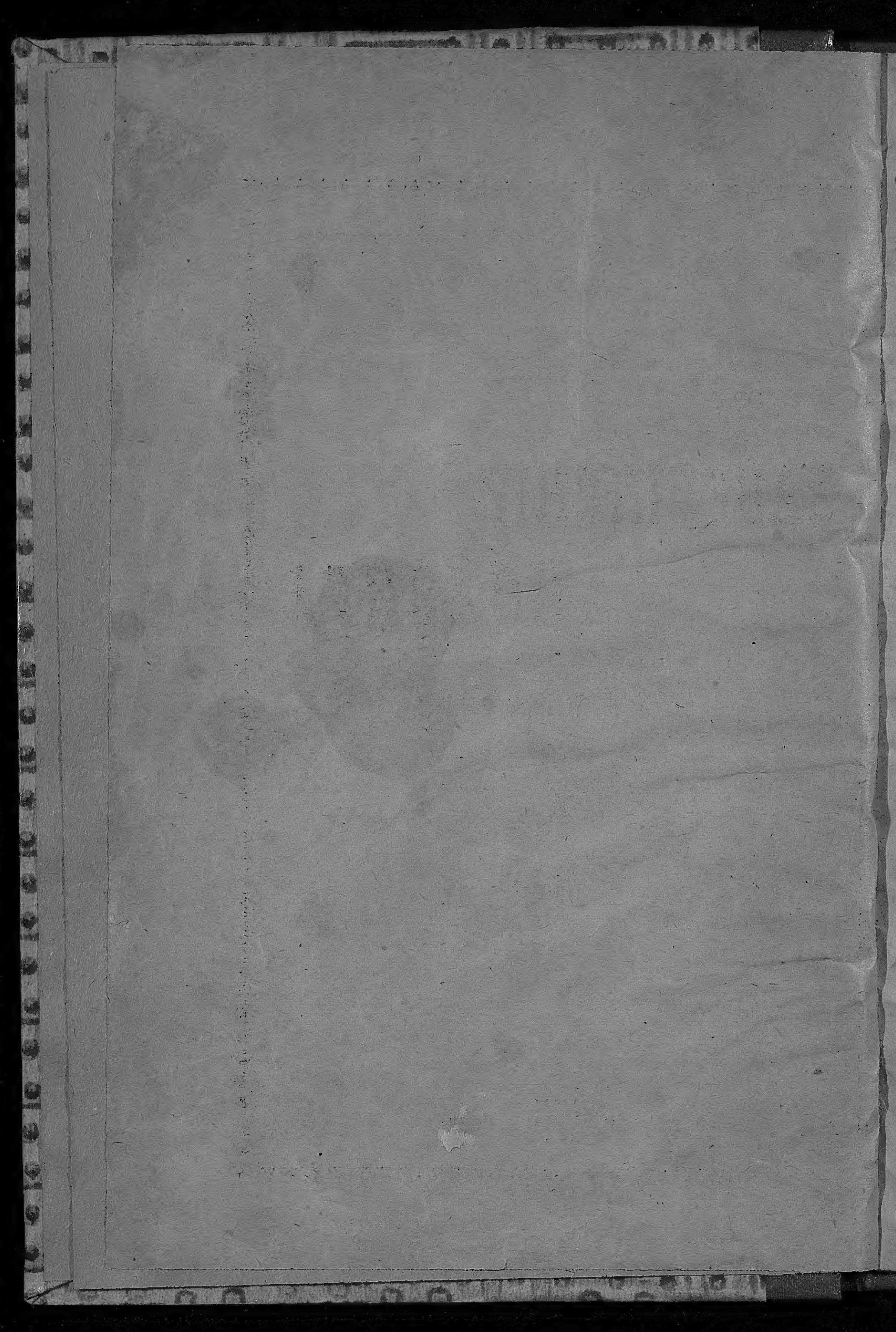
Ст. Ахонтовъ.

Завершеніе подвига

(14 марта 1613 года).



РЯЗАНЬ.
Типографія Братства св. Василія.
1913.



Ст. Яхонтовъ.

ЗАВЕРШЕНІЕ ПОДВИГА

(14 МАРТА 1613 ГОДА).



РЯЗАНЬ.
Типографія Братства св. Василія.
1913.

Печатать дозволяется. Цензоръ Прот. А. Лучинскій.

ЗАВЕРШЕНІЕ ПОДВИГА

(14 марта 1613 года *).

Еще одно послѣднее сказанье и..... лѣтопись безпримѣрныхъ въ нашей исторіи событій заканчивается. Три года справлявшіеся историческіе юбилеи раскрыли предъ нами, какъ никогда, картину тяжкихъ испытаній, которыя перенесъ русскій народъ и вышелъ изъ нихъ какъ изъ сказочнаго котла,—обновленнымъ, молодымъ, окрѣпшимъ, сказалъ бы—„новозавѣтнымъ".

Эти, полные ужаснаго трагизма и захватывающаго драматизма, переживанія нашихъ предковъ закончились (повидимому) избраніемъ царя 21 февраля 1613 г.

Всякая перемѣна династіи—важное событіе: но вступленіе на престолъ Романовыхъ единственное въ своемъ родѣ по своей обстановкѣ, въ которой оно совершилось, и по предшествовавшимъ ему обстоятельствамъ.

Вспомнимъ, что предшествовало избранію?

Послѣ Бориса Годунова, 7—8 лѣтъ страна наша мутилась: *перекидывалась* отъ одного царя къ другому. Заварилась каша, которая сдабривалась поочереди, то немного боярствомъ, то немного дворянствомъ, то побольше казачествомъ и крестьянствомъ. А въ послѣдніе 3 года народъ рус-

*) Рѣчь, сказанная въ актовомъ залѣ Ряз. Дух. Сем. 17 марта 1913 г. (Воскресенье 4 нед. В. Поста) по случаю 300 л. юбилея воцаренія Романовыхъ.

скій кипѣлъ въ страшномъ котлѣ мятежной жизни. Но......перекипѣла душа народная и пришла къ сознанію: нельзя народу жить безъ царя, что войну вести безъ знамени. *Нуженъ царь: свой русскій, свой православный, свой народный,* всему міру—любый. И это сознаніе воплотилось на земскомъ соборѣ 1613 г.: 21 февраля избранъ былъ Соборомъ въ цари 16-лѣтній юноша, Михаилъ Романовъ.

Однако это народное переживаніе стоило странѣ очень дорого. Въ моментъ избранія Михаила Московское государство представляло изъ себя печальное зрѣлище. Освобождена отъ враговъ, своихъ и чужихъ, только столица. Окраины разобраны сосѣдями,—шведами и поляками (Новг. Смол.); инородцы еще волновались и не прочь отложиться; на престолъ не переставали еще являться претенденты: Польскій королевичъ Владиславъ, Шведскій принцъ, атаманъ казацкій Заруцкій съ сыномъ. Всѣ подобные самозванцы нахально лѣзли на престолъ московскій вопреки волѣ народной. По „Землѣ" шатались шайки грабителей. Поляки, казаки, холопы—цѣлыми отрядами жгли и *пустошили* города и села. Что было раньше худо;—то оставалось худымъ и теперь, и лишь мятущіеся умы успокоились и стали друзьями порядка. *Розруха* промышленно-экономическая и всякая была налицо: еще дымились развалины послѣ страшнаго и длительнаго пожара, именуемаго *„Смутой"*. Все было бѣдно и разорено. Народъ былъ нищимъ. Столица была. Да что такое столица? Священный Кремль, церкви Божіи, царскіе терема—стояли закопченые, оскверненные присутствіемъ чужестранцевъ-иновѣрцевъ,—были голые остовы, возбуждавшіе и горе, и досаду.

Въ такихъ условіяхъ народъ обыкновенно отдаетъ власть надъ собою мужу опытному въ дѣлахъ государственныхъ; зрѣлому въ понятіяхъ, съ выработанною волею, и самостоятельному. Еще недавно, съ прекращеніемъ *„корене" Рюриковичей*, Соборъ отдалъ власть Годунову. Это и понятно. А теперь?—Несомнѣнно, что большинство депутатовъ Собора ни-

когда не видѣло будущаго царя: но также несомнѣнно, что знало о немъ многое. И вотъ, предъ воображеніемъ Собора стоялъ 16-лѣтній „*юнецъ*“, большую часть своей сознательной жизни проведшій вдали отъ двора; юноша болѣзненный, постоянно жившій не по своей волѣ, запуганный *семейнымъ горемъ*. Такая личность и въ обычное, тихое время на престолѣ была бы необычна, а теперь страна и „*власть*“ были въ *разрухѣ*.—Какъ могъ Соборъ остановиться на Михаилѣ Романовѣ?!

На Соборѣ было не безъ борьбы партій и вліяній. Были родовитѣе Романова,—отвергли; были даровитѣе,—отвергли; были опытнѣе,—отвергли: и остановились на юношѣ. Конечно, и за Романовымъ Михаиломъ былъ родъ, было богатство, была опытность, разумѣется не его, а отца, Филарета, который „видѣлся“ за избираемымъ сыномъ; были царственныя связи съ царскимъ коренемъ; была и сильная партія, поддерживаемая казачествомъ: но все это было или въ прошломъ или еще въ будущемъ, а на лицо, *повидимому*, не было въ Михаилѣ личности царя, способнаго угомонить разбушевавшіяся, и еще не улегшіяся, народныя страсти, способнаго *ликвидировать* „Смуту“. Тайна избранія была не въ признаніи *обычныхъ* качествъ царя: ихъ могъ замѣнить самъ Земскій Соборъ.

Народъ рядомъ бѣдствій пришелъ къ *единомыслію, единоволію*; тяжкими испытаніями онъ самъ *выносилъ* въ своей душѣ, внутри себя, идею царской власти, какъ единственно спасительной для Земли. И въ этотъ только моментъ русской исторіи впервые произошло сліяніе правительства—царя—съ народомъ. Поэтому, выбирая царя, народъ воплощалъ въ него свою душу. Слѣдовательно, не столько нужна была личность избранника, сколько нужно было водрузить спасительное знамя. Для того Собора царь былъ прежде всего—идея, мысль, знамя. Но мысль должна быть чистая, идея благородная, знамя незапачканное ни измѣной, ни крамолой, ни воровствомъ; знамя тогда знамя, когда оно вдохновитель ве-

ликихъ традицій! Соборъ и нашелъ такое знамя въ Романовыхъ: родъ, отмѣченный давнишнею службою Землѣ, связанный близкимъ родствомъ съ угасшей династіей, популярный въ массѣ народной и незапятнанный политическимъ воровствомъ, а. напротивъ, окруженный ореоломъ мученичества. Народъ въ *страдальческой* семьѣ Романовыхъ видѣлъ какъ бы отраженіе своихъ страданій— и это ихъ связывало.

Такъ, въ единомысліи, 21 февраля былъ избранъ царь *по сердцу* народному! Это—умѣнье отрѣшиться отъ личныхъ вкусовъ, выгодъ и партійности—было *подвигомъ* Земскаго Собора.

Но было ли это избраніе *по сердцу и желаніямъ* самого избранника?

Отсюда начинается *второй* подвигъ.

Обычно претенденты на престолъ добиваются его, иногда и не прямыми путями; по крайней мѣрѣ желаютъ его, мечтаютъ о немъ. *Пусть* Борисъ Годуновъ искренно отказывался отъ престола, но послѣдній мерещился ему. Михаилъ же Романовъ, когда говорилъ посольству въ Костромѣ: *„учинились мы царемъ по вашему прошенію, а не своимъ хотѣніемъ“*—говорилъ искренно и чистую правду. Когда шелъ въ Москву твердилъ: *„сдѣлалось то избраніе волею Божіею и васъ всѣхъ людей хотѣніемъ, а нашего на то произволенія и хотѣнья не было“*. Да и когда ему было хотѣть?—То въ изгнаньи, то въ Кремлевскомъ сидѣньи у поляковъ, то въ деревнѣ Костромской. Да и ему ли, юношѣ, питать честолюбивые замыслы? При тогдашней государственной *розрухъ* лишь *старое* честолюбіе или ужъ глубокое сознаніе своихъ силъ и талантовъ могло забыть, каковъ вѣсъ „шапки Мономаха“.

Во всей исторіи избранія и призванія Михаила на престолъ мы, если не видимъ, то чувствуемъ, что молодой царь —жертва. За него кто-то дѣйствуетъ, его кто-то ведетъ на закланіе. Дѣйствовалъ ли издалека Филаретъ, работали ли вокругъ Романовская родня и доброхоты;—Михаилъ тутъ былъ ни при чемъ. Онъ ни чрезъ кого не дѣйствовалъ. Его

не спрашиваютъ, съ нимъ не сносятся; земскій Соборъ *какъ будто* и не знаетъ, гдѣ онъ живетъ. Соборъ просто его избираетъ: *вотъ нашъ царь!*.... Да, Михаилъ Романовъ *былъ знамя, которое несутъ: но оно ведетъ за собою и спасаетъ.*

Вотъ что сдѣлано 21 февраля. Россія нашла царя, но еще не имѣла его. Царь былъ и не было царя. Его надобно было *добыть*. 21 февраля было начало—ожидался конецъ.

И вотъ составляется великое посольство, тотъ же земскій Соборъ въ миніатюрѣ; „всѣхъ чиновъ множество: выборные отъ городовъ, жильцы, приказные люди, стряпчіе, стольники, дьяки, окольничьи, бояре, три протопопа (одинъ—Димитрій Зарайскій), три архимандрита, Авраамій Палицынъ“. Посольство было возглавлено отъ свѣтскихъ лицъ бояриномъ Ѳ. И. Шереметевымъ, а отъ духовенства Рязанскимъ архіеп. Ѳеодоритомъ.—Соборъ дѣйствовалъ рѣшительно, поспѣшалъ, но разсмотрительно. Было начало марта; впереди порча пути; надобно добыть царя и привезти его въ Москву *вд-время*; а съ другой стороны—нужно было все подготовить, чтобы миссія посольства была не задаромъ и избраніе Собора не было втуне. Соборъ не обманывался. Каждый изъ тѣхъ членовъ Собора, кто и самъ нѣсколько дней тому назадъ не прочь былъ сѣсть на престолъ, серьезно задумался бы, если бы жребій палъ на него. Какъ же можно было думать, что непредувѣдомленный Михаилъ могъ охотно согласиться быть царемъ? Правда, 2 года тому назадъ имя его упоминалось Гермогеномъ и Ляпуновымъ,—но тогда былъ дома отецъ Филаретъ,—собственно Филарета и выбирали. А теперь отецъ былъ въ плѣну. Какъ ни юнъ былъ Михаилъ и едва ли зналъ во всемъ объемѣ бѣдствія народа,—но было ясно, что его зовутъ быть *царемъ нищаго народа*. Соборъ основательно предполагалъ, что со стороны Михаила и матери его будетъ серьезный отказъ. Если Соборъ сознавалъ свое право ради спасенія государства *посадить* Михаила на престолъ; то вѣдь не могъ же

онъ лишить избранника права *отказаться* отъ престола. Если основаться на грамотахъ отъ земскаго Собора [1]), посланныхъ въ Кострому новоизбранному царю, то Соборъ предусматриваетъ всѣ мотивы отказа и принимаетъ мѣры преодолѣть ихъ. Составляется наказъ посольству, какъ ему дѣйствовать. „*А ѣхать вамъ, посламъ, съ Москвы 2 марта; дорогою на Ярославль разузнавать, гдѣ государь* (!) [2]). А отыскавъ, гдѣ государь, поздравить его, просить его на царство; *звать скорѣе въ Москву*. Вотъ программа. А какъ привѣтствовать, какія рѣчи говорить, и, если будетъ отказываться онъ и мать его, какъ упрашивать, посольству было заранѣе указано. „*А будетъ государь... всякихъ людей не пожалуетъ, учнетъ отказывать, или зачѣмъ учнетъ государь размышлять... и бить челомъ и умолять его всякими обычаи, чтобъ онъ, государь, милость показалъ, челобитье не презрилъ,—былъ на государствѣ и ѣхалъ бы къ Москвѣ*". Если будетъ говорить то-то,—молить такъ-то; если будетъ размышлять такъ-то,—челомъ бить такъ-то. Однако предвидѣть всѣ возможные доводы отказа было невозможно. Поэтому посольству даются самыя широкія полномочія: „умолять всякими обычаи". Послать во главѣ посольства при такомъ настроеніи „кое-кого" не приходилось. Соборъ и выбираетъ такихъ вожаковъ, которые бы могли поудачнѣе выполнить порученіе представителей Земли и годны были дѣйствовать не по наказу только, но способны были къ личной инціативѣ, обладали творчествомъ мысли и воли. Главою посольства были поставлены Рязанскій архіеп. Ѳеодоритъ и бояринъ Шереметевъ.

Шереметевы были близкими родственниками Романовымъ и вмѣстѣ съ Салтыковыми не мало похлопотали при избраніи Михаила. Теперь Шереметевъ обязанъ былъ употребить все свое родственное вліяніе склонить Михаила и

---

1) Собраніе госуд. грамотъ, ч. III, № 2 и 3.

2) Это или было дѣйствительно неточное знаніе мѣстонахожденія царя, или дипломатическая уловка въ отношеніи Швеціи.

тѣмъ оправдать предъ Соборомъ свои хлопоты. Но почему Ѳеодоритъ во главѣ? Были и старше его (Ефремъ Казанскій, Кириллъ Ростовскій). Не дряхлы ли они были? Ѳеодоритъ былъ полонъ энергіи и иниціативы. Нуженъ былъ тоже надежный іерархъ;способностямъ, усердію, а главное—искренности симпатій къ Романовымъ чтобы можно было довѣриться. Сопоставляя участіе въ посольствѣ Зарайскаго протопопа Димитрія, останавливаемся на мысли, что есть какая-то связь главы посольства съ тѣмъ движеніемъ народнымъ въ Рязанской области, какое обнаружилось въ 1611 году при Ляпуновѣ. Въ Рязани патріотическій призывъ Гермогена вызвалъ тотъ патріотическій, Ляпуновскій, порывъ, который началъ общенародное дѣло спасенія Государства. Находился ли Ляпуновъ подъ вліяніемъ Рязанскаго архипастыря, документально не знаемъ, но въ то время, когда Рязанская земля пылала патріотическимъ чувствомъ, Ѳеодоритъ, какъ мѣстный пастырь, не могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ, и мы увѣрены, что онъ дѣятельно участвовалъ въ организаціи Ляпуновскаго ополченія. Протопопъ Димитрій Зарайскій, Пожарскій—воевода Зарайскій, Ляпуновъ—воевода Рязанскій, Ѳеодоритъ—архіепископъ Рязанскій—это одного пламеннаго духа, одной политической мысли люди, знавшіе другъ друга и еще въ 11 году указывавшіе на Михаила. Ляпуновъ погибъ, но его воодушевленіе еще горѣло въ духовномъ представителѣ Рязани, сохранившемъ и симпатіи къ Романову.—Кому же надежнѣе было вручить призваніе Михаила, какъ не Ѳеодориту, который рядомъ съ Шереметевымъ, дѣйствовавшимъ въ пользу Михаила по плотскому родству, дѣйствовалъ по сродству національно-духовному: Ляпуновскій національизмъ Рязани давалъ силу вдохновенія Рязанцу Ѳеодориту.

Довѣріе Собора къ Рязанцамъ было не напрасно; они скоро же оправдали его: первою, присягнувшею Михаилу, была Рязань, цѣловавшая ему крестъ 4 марта. За Рязанью цѣ-

ловали другіе. Такъ, за Рязанцами послами стоялъ весь Рязанскій край, симпатизировавшій Романовымъ [1]).

И вотъ посольство, съ чудотворными иконами, святынями московскими, 2 марта выѣхало изъ Москвы въ Ярославль, или „гдѣ онъ, государь, будетъ". Это была и величественная и умилительная картина. Посольство ѣхало добывать царя. Страна *ѣхала по царя.* Это былъ своего рода крестовый походъ. Посольство по дорогѣ пѣло молебны и тѣмъ поддерживало въ народѣ бодрость, возбуждало радость и надежду. Желанія народныя неслись вслѣдъ за посольствомъ. А стоустная молва, какъ водится, по той же дорогѣ бѣжала впереди и разглашала тамъ-и-сямъ избраніе Михаилово: радовала однихъ, озлобляла другихъ. Въ то время шатости и измѣны и послѣднее было возможно. Подвигъ Сусанина относится къ этому времени.

Смутно было на душѣ у пословъ. Призывныя грамоты, которыя везло посольство, отразили въ себѣ трагизмъ положенія русской земли. „*И тебѣ бы государю умилитися надъ остаткомъ рода хрестьянскаго и многорасхищенное православное хрестьянство и всѣхъ людей россійскаго государства отъ растлѣнія собравъ воедино,— всенародно слезнаго рыданія не презрѣти... и подати намъ избаву отъ всѣхъ находящихъ насъ бѣдъ и скорбей*". Съ другой стороны въ ней отразилась и радость. Соборъ какъ-то по-дѣтски, во всей простотѣ радуется избранію. „*И какъ ты, государь, будешь на Москвѣ...... всѣ твои государевы недруги и непріятели будутъ въ страхованьи. а московскіе люди обрадуются и отъ печали въ радость придутъ, и тебѣ бы царскимъ приходомъ Своимъ недруговъ своихъ учинити въ страхованьи и въ боязни....... и Россійское государство аки солнце сіяло бы и на всѣ стороны ширилось*".

Вотъ чего ждали отъ принятія престола. Какъ бы говорили: приди! обрадуй! улыбнись! И враги будутъ въ страхѣ: покарай ихъ!—Но между этими двумя чувствами—наболѣвшей скорби отъ разрухи и радости отъ царя въ душахъ

[1]) Вотчины Романовыхъ и очень большія были въ нынѣшней Рязанской губерніи.

пословъ жило и чувство сомнѣнія. А-ну—не приметъ? Откажется отъ короны? И это умаляло радость. Въ грамотахъ объ избраніи 21 февраля это чувствуется. Вотъ почему теперь можно поставить вопросъ: когда же лучше праздновать избраніе Михаила Романова: 21 февраля или 14 марта?

13 Марта, ввечерни, посольство прибыло въ Кострому и заняло домъ кн. Глинскаго въ с. Новоселки, противъ самаго Ипатьевскаго монастыря, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ перешелъ жить въ настоятельскія кельи Михаилъ съ матерью. Оповѣстили Костромское начальство и послали спросить Михаила: когда дозволитъ явиться къ нему? Данъ отвѣтъ: завтра же.

Тревожна была ночь съ 13 на 14 марта. Толпы обрадованныхъ костромичей спѣшили поклониться прибывшимъ Московскимъ святынямъ. Шли сношенія съ Костромою, какъ завтра устроить церемонію. А думы... думы... одолѣвали! А если откажется?—Для насъ теперь эти чувства неощутимы. А тогда это, можетъ быть, былъ вопросъ о новой смутѣ, а можетъ быть и о гибели страны. Послы были люди не партіи,—это были прежде всего *родинолюбцы*.

Думается, что тревожную ночь пережили и Михаилъ съ матерью.

Вѣдь они знали, зачѣмъ пришло посольство,—и предъ ними стоялъ вопросъ: принять престолъ или не принимать?.. Если Михаилъ не думалъ о немъ,—то мать была женщина иной складки—честолюбивая и властолюбивая. Однако, материнское чувство было сильнѣе—личнаго тщеславія: отдать сына на престолъ значило отдать—на жертву. Изъ одной сцены призванія мы можемъ выводить заключеніе, что къ утру между сыномъ и матерью было твердо рѣшено:—отъ вѣнца—отказаться.

На слѣдующій день, (это было воскресенье 4 недѣли,)—послѣ заутрени, чины посольства—духовные въ полномъ облаченіи, свѣтскіе, неся на рукахъ иконы, вышли при колокольномъ звонѣ въ Костромѣ и ближайшихъ селахъ изъ дома Глинскаго и подошли берегомъ къ устью р. Костромы, за кото-

рой былъ Ипатьевскій монастырь. Тутъ они встрѣчены были всѣмъ Костромскимъ духовенствомъ съ иконою Ѳеодоровской Божіей Матери и общимъ крестнымъ ходомъ приблизились къ монастырю. Раздалось священное пѣніе. За воротами монастыря стояли Михаилъ и мать, окруженные ипатьевскими иноками, также при колокольномъ звонѣ, вынесшими свои иконы. Михаилъ и мать земно поклонились принесеннымъ иконамъ и приняли благословеніе отъ Ѳеодорита. Дальнѣйшее описываютъ сами послы въ Москву въ извѣщательномъ письмѣ: *„Государь и великая старица Марѳа Ивановна образы встрѣтили и насъ всѣхъ пожаловали,—очи свои дали видѣть; и мы, господа, имъ челомъ ударили и ихъ, государей, о здоровьи спрашивали: и государь и мать его говорили намъ съ великимъ гнѣвомъ и съ плачемъ, что онъ, государь, на Московскомъ государствѣ Государемъ быти не хочетъ, и она, Государыня, его на Московское Государство не благословляетъ.*

И за кресты въ соборную церковь не шли долгое время. И мы, господа, государя царя и мать его молили многое время и просили, и едва умолили, чтобъ шли за кресты въ Соборную церковь Живоначальныя Троицы; и въ Соборной церкви, пѣвъ молебны, государю и великой старицѣ били челомъ, грамоты подали и рѣчь по наказу говорили... чтобы государь пожаловалъ всѣхъ, былъ на Московскомъ государствѣ царемъ.... И государь, выслушавъ рѣчь и грамотъ нашего челобитья, со слезнымъ плачемъ и гнѣвомъ намъ отказалъ!...—и мы, господа, били челомъ матери его, великой старицѣ Марѳѣ Ивановнѣ, чтобъ она пожаловала, благословила государя Михаила Ѳеодоровича на московское Государство... и великая старица намъ съ гнѣвомъ отказала“.

Чего ожидалъ соборъ, то и произошло,—но только гораздо упорнѣе оказался отказъ: хотя и молили и били челомъ ему Государю и Марѳѣ Ивановнѣ съ 3-го часа дня до 9 часа!! Однако! 6 часовъ! Вообразите себѣ: на паперти, въ храмѣ, стоятъ другъ противъ друга; страдалецъ земля и страдалецъ Михаилъ.

У обоихъ позади было одно сплошное горе.
Чье горе пересилитъ?
У одного было право не царствовать.
У другого—право требовать царствованія.

Не столько самъ Михаилъ упорствовалъ, какъ мать. Михаилъ едва ли во всемъ размѣрѣ представлялъ всю тяжесть шапки Мономаха и размѣры бѣдствій Россіи. Ему было просто страшно: вдругъ онъ царь! Онъ самъ служилъ недавно спальникомъ при Шуйскомъ. Вдругъ онъ царь!... „Не хочу царствовать! И могу ли быть наслѣдникомъ великихъ царей русскихъ!“... Вотъ что онъ „твердилъ“ въ отвѣтъ на призывъ. А когда послы „насѣдали“ въ своихъ моленіяхъ,—юный Михаилъ лишь „плакалъ“... Онъ не Годуновъ.

Иное дѣло Мареа. За нею стоялъ многолѣтній опытъ жизни. И какой! Она сама стояла близко къ царской жизни; видѣла ея тяжести; она попадала въ самый круговоротъ политическихъ событій и не мало испытала отъ нихъ, но, зато и довольно ясно представляла себѣ „розруху“ страны. Она поэтому не *вообще* боялась за вѣнецъ сына, а конкретно представляла тѣ трудности, которыя придется превозмогать ея сыну на первыхъ же дняхъ его царствованія. Она выставляетъ къ отказу цѣлый рядъ мотивовъ, одинъ другого основательнѣе и неотразимѣе. Поэтому во всѣхъ сценахъ „моленій“ юноша царь—лишь второстепенное лицо: первые герои драмы—Мареа и Ѳеодоритъ, на котораго и пала самая трудная роль—*„упросить, умолить“*.

Всѣ доводы къ отказу можно свести къ слѣдующему: 1) у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ преславныхъ государствахъ быть государемъ: онъ еще въ несовершенныхъ лѣтахъ; 2) Московскаго государства всякихъ чиновъ люди „измалодушествовались“: юному царю нужна вѣрная служба помощь, а ни на кого положиться нельзя. Сколько лѣтъ они играютъ въ измѣну: только и дѣлали до сихъ поръ московскіе люди, что присягали государямъ и имъ измѣняли. Разгромъ нравственный: политическій развратъ свилъ себѣ

гнѣздо во всѣхъ сословіяхъ и классахъ русскаго общества. Вотъ что значитъ „измалодушествовались“. Въ виду всѣхъ клятвопреступленій, позоровъ, убійствъ и поруганій прежнимъ государямъ—и прирожденному государю трудно усидѣть на престолѣ. 3) Съ моральнымъ разгромомъ соединялся и матеріальный разгромъ Московскаго государства. Имѣнія царскія опустошены; сокровища расхищены; народъ обнищалъ—взять съ него нечего, нечѣмъ будетъ государю служилыхъ людей жаловать, обиходы свои полнить и противъ недруговъ гостоять. Быть царемъ нищаго народа!... 4) Отецъ государя въ плѣну у поляковъ, и король польскій, узнавъ объ избраніи его сына, не оставитъ учинить какое-нибудь зло надъ отцомъ. 5) Наконецъ,—какъ рѣшиться сыну на такое важное и трудное дѣло безъ благословенія отцовскаго?—

Правы ли были Михаилъ и Мароа въ своихъ мотивахъ къ отказу?—Конечно, *правы*. Царь *молодъ*. Правда, вступали на престолы и въ такихъ годахъ, но не при такихъ условіяхъ. *Средствъ нѣтъ*—и то вѣрно. *Измалодушествовались*. Да, недавнее прошлое русскаго народа было некрасиво.

Но и *не права* была Мароа въ своихъ „упрекахъ“. Мароа Ивановна не учитывала того перерожденія, которое произошло въ послѣднее время въ русскомъ „обществѣ“ и на которое указано въ началѣ настоящаго „сказанія“. Избраніе и прошеніе Михаила было слѣдствіемъ того выстраданнаго народомъ единодушія и единомыслія, которое ручалось за крѣпость престола, хотя бы занятого и полудитятей. А гдѣ нравственная сила оказалась, тамъ и матеріальныя средства найдутся. И послѣдствія показали, что опасенія Мароы были напрасны. Народъ способенъ былъ напрячь послѣднія свои силы, чтобы и 5-ой деньгой пожертвовать на нужды государства. Послѣ того, что произошло на Нижегородской площади по призыву Минина, можно ли было говорить, „чѣмъ государевы расходы полнить“? Мароа была не въ курсѣ новонародившагося національнаго самосознанія.

Можно ли было довѣряться русскимъ людямъ?—А развѣ не за нѣсколько только дней предъ тѣмъ совершилъ Сусанинъ

свой подвигъ? Сусанинъ былъ отраженіемъ новаго русскаго народа, очищеннаго отъ измѣнъ тяжкими народными бѣдами,— народа, поднявшагося нравственно настолько, что онъ готовъ былъ на самопожертвованіе.

„Страха не страшусь!
Смерти не боюсь!
Лягу за Царя, за Русь!

На такой народъ можно было положиться; такому народу можно было довѣрить юнаго сына.

„Предателя, мнили, во мнѣ вы нашли;
Ихъ нѣтъ и не будетъ на русской земли“!

Вотъ что *каждый* словами Сусанина могъ бы отвѣтить Михаилу.

А остальные доводы не важны.

Но, вѣдь, это философія нынѣ спокойно разсматривающаго историческіе факты человѣка. Была ли такая перспектива у Мароы? Могла ли она производить спокойно анализъ современныхъ событій? У матери и сына Романовыхъ слишкомъ много накопилось личнаго горя и слишкомъ оно заглушало всякія другія чувства и соображенія. Повторю: тамъ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ *два горя сошлись* и противопоставили себя другъ другу: горе личное, семейное и горе общенародное. Посольство идеально смотрѣло на избраніе Михаила: для всѣхъ онъ долженъ пожертвовать собою и всѣмъ будетъ хорошо. Мароа трезво, реально смотрѣла на свое положеніе: дать сына на царство—почти на вѣрную гибель и горе его послать. Богъ съ нимъ, и съ престоломъ! Посольство и Мароа стояли въ разныхъ плоскостяхъ и сбить съ позиціи Мароу было трудно. Одними слезами и моленіями посольства тутъ нельзя было ничего подѣлать. Слишкомъ ужъ много горя пережили Романовы въ прежнее время, чтобы охотно идти на новое испытаніе; слишкомъ много было пролито *своихъ* слезъ, чтобы видѣть за ними *чужія*. Сентиментальничать не приходилось. Своя рубашка все-таки оставалась ближе къ тѣлу.—Вотъ почему, когда Ѳеодоритъ началъ по

пунктамъ гдѣ опровергать, а гдѣ только ослаблять „отказы“ Марѳы, все его краснорѣчіе, всѣ риторическіе извороты, всѣ разъясненія успѣха не имѣли: Михаилъ рѣшительно отказывался. Наконецъ, Ѳеодоритъ все сказалъ, что Соборъ ему „наказывалъ“. *Подвига призванія царя Ѳеодоритъ не совершилъ...*

Тогда по указанію Ѳеодорита духовенство начало пѣть молебенъ предъ алтаремъ. Послѣ молебна моленье возобновилось. И снова рѣшительный отказъ и все съ тѣми же доводами. Михаилъ даже отошелъ съ своего мѣста, отъ царскихъ вратъ, какъ бы не желая болѣе слушать просьбъ посольства. Тогда Ѳеодоритъ, посовѣтовавшись съ послами, прибѣгъ къ послѣднему, бывшему въ его распоряженіи средству,—подѣйствовать на религіозное чувство Михаила. Вотъ поднимаютъ принесенныя иконы, хоругви, кресты и идутъ къ тому мѣсту, гдѣ въ храмѣ все еще стоялъ съ матерью Михаилъ.—Царь заплакалъ и воскликнулъ: „*Зачѣмъ подвигъ сей честнымъ иконамъ? Возлагаете на меня дѣло выше силъ моихъ!*“ Онъ бросился въ сторону матери, въ ея объятія. Михаилъ рыдалъ. А Ѳеодоритъ говорилъ: „Сама пречистая Богородица съ Чудотворцами просятъ тебя. Вѣрь симъ святымъ иконамъ; не сами, а ихъ волею пришли мы сюда!“

Въ народѣ, наполнявшемъ храмъ и дворъ монастыря, послышались рыданія. Народъ стоялъ на колѣнахъ, простиралъ руки: „*не оставьте насъ сирыхъ и безгосударныхъ*!“ Стоя въ объятіяхъ другъ друга, Марѳа и Михаилъ плакали, но... отказывались. Повелѣнныя рѣчи всѣ были сказаны. Краснорѣчіе истощилось. Слезы изсушались. Нервы напряжены у всѣхъ до послѣдней степени. Было 3 часа пополудни; а успѣха не было. Что было дѣлать?...

У всякаго человѣка въ глубинѣ его души живутъ два чувства:—чувство личнаго благополучія, личной пользы, нѣсколько эгоистическое, и другое чувство—общей пользы, чувство высшаго порядка. Послѣднее въ большинствѣ кроется гдѣ-то глубоко, часто придавливается первымъ. Но когда это

второе вызывается наверхъ, тогда ждите подвига, служенія всѣмъ,—рождается самопожертвованіе. Надобно всколыхнуть это чувство, добраться до него, ударить по нему, и тогда слово, разбудившее его, производитъ переворотъ въ мысляхъ, въ поступкахъ, и направляетъ иногда цѣлыя событія въ желаемую сторону.

Когда всѣ доводы были исчерпаны; а мать и сынъ оставались непреклонными: работа мысли пріостановилась; витіеватыя фразы не слагались,—взяло верхъ чувство, чувство глубоко оскорбленнаго эгоизмомъ Марѳы гражданина. Въ воображеніи Ѳеодорита во мгновеніе пронеслась вереница совершавшихся бѣдствій страны; всталъ новый рядъ будущихъ, и Рязанскій Архіепископъ уже не былъ только посломъ Собора,—онъ былъ теперь лишь русскимъ гражданиномъ—патріотомъ, у котораго накопившееся горе хлынуло наружу, безъ церемоніи, безъ порядка, безъ этикета, а непосредственно: оно смѣшалось и съ обидой и гнѣвомъ. Они щадятъ себя,—а Россія? Этотъ архипастырь-гражданинъ олицетворялъ теперь всю Россію. Какъ еще недавно Мининъ на Нижегородской площади, Рязанскій архипастырь-патріотъ поднялся во весь свой ростъ. Онъ воскликнулъ: *Итакъ, вы не внемлете мольбамъ! Совершилось! Да будетъ по-вашему: мы идемъ обратно и скажемъ Москвѣ и пославшимъ насъ, что вы отвергли мольбы и слезы наши.—Бѣдствуй, русская земля! Пусть возстанетъ прежнее безначаліе! Пусть плачетъ снова народъ; опозорятся церкви! —Но, предъ симъ святымъ образомъ говорю тебѣ, царь Михаилъ, что отнынѣ на тебя падетъ бѣдствіе отчизны.—И ты, инокиня благочестивая!—ты будешь отвѣчать предъ судомъ Божіимъ за кровь и слезы христіанъ!... Да настанетъ вновь междоусобіе; да расточится царство московское! Да услышатъ о безгосударствѣ нашемъ враги, да придутъ и расхитятъ насъ"!*

Я не знаю: учился ли Ѳеодоритъ риторикѣ—конечно—нѣтъ; но напряженіе патріотическаго духа, неожиданное и для него самого, произвело въ немъ такой нравственный подъемъ и дало ему такое слово, какимъ говорили только ветхозавѣт-



ные пророки. Это было само вдохновеніе!—Онъ затронулъ то, что и въ мысль не приходило Мароѣ и Михаилу. Произнесенныя слова—были не мольбы, а угроза,... обвиненіе... въ измѣнѣ!—

Онъ поставилъ Мароу предъ страшнымъ выборомъ: *или* принимайте престолъ: возьмете на себя тяжелое, безпокойное, даже опасное бремя—пожертвуете личнымъ счастьемъ и покоемъ,—но спасена будетъ Россія; *или*: если эгоистично откажетесь,—вы, можетъ быть, сохраните личное спокойствіе, сохраните жизнь себѣ и отцу, но погибнетъ Россія, не одна семья, а цѣлый народъ; это будетъ измѣна народному дѣлу. Измѣна или самопожертвованіе—выбирайте!

Нѣтъ!—Романовы измѣнниками никогда не были. Народу своему служили издавна, желѣзнаго посоха Грознаго, за народъ вступаясь, не боялись; съ Годуновскими неправдами не мирились. Вотъ и теперь: гдѣ отецъ и мужъ?—Онъ въ плѣну за Русь,—а не измѣнилъ. Филаретъ Романовъ жертвуетъ собою и страдаетъ за Россію. А домнинскій мужичекъ? Недавно еще за нихъ же онъ пожертвовалъ собою. А они *за весь народъ* пожертвовать собою не хотятъ? Смотрите: всѣ кругомъ жертвуютъ собою. А Романовы? Измѣна!...

Нѣтъ! Все снесутъ Романовы; но измѣнниками быть не могутъ и не хотятъ. Не таковы ихъ традиціи. Не такова ихъ родовая заправка.

И вотъ все замерло въ ожиданіи...

Мароа не устояла. Своими словами Ѳеодоритъ поставилъ Мароу въ такое положеніе, что отказываться дольше было невозможно. И родилось самопожертвованіе Михаила... Подвигъ свой Ѳеодоритъ совершилъ.

Много размышлявъ, говоритъ „извѣстительная грамота", *преклоняся къ чудотворнымъ иконамъ, Михаилъ и Мароа сказали, что они во всемъ положились на непостижимыя судьбы Божіи, и пожаловала государыня, благословила Михаила Ѳеодоровича. И Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ, прошеніе приня́лъ и учинился въ царскомъ нареченьи и посохъ и благосло-*

веніе отъ Θеодорита архіепископа принялъ, и многолѣтіе ему, государю, пѣли... всѣмъ пожаловалъ, велѣлъ быти у своей царской руки, и о своемъ походѣ сказалъ, что будетъ къ Москвѣ вскорѣ." —

Вотъ только въ какой моментъ былъ на Руси свой царь. Это и было 300 лѣтъ тому назадъ, въ Воскресенье 4-й недѣли великаго поста. *Теперь спасеніе Россіи завершилось.*

Вотъ въ чемъ и когда историческій подвигъ Рязанскаго архіепископа Θеодорита. Вотъ какой моментъ мы празднуемъ 14-го марта, а имя Θеодорита поминаемъ и славимъ. Для насъ нынѣ сугубый праздникъ. Рязань сослужила свою службу Россіи и Романовымъ: она указала на Романова въ цари, она первая изъ провинцій присягнула ему, она же поднесла ему царскій посохъ. Рязанскій воевода Прокофій Ляпуновъ началъ спасеніе отечества,—Θеодоритъ закончилъ его. Эти два великихъ родинолюбца—рязанца спаяны въ одномъ дѣлѣ спасенія государства и воцаренія Романовыхъ. Имена ихъ славны и вѣчны въ исторіи строенія русскаго государства и долгъ ихъ потомковъ, чтобъ въ Рязанскомъ Кремлѣ, откуда раздался богатырскій призывъ Ляпунова спасать родину и вѣру; въ Рязанскомъ Кремлѣ, гдѣ сложилось вдохновенное слово Θеодорита, давшее Россіи царя,—пусть имена ихъ вѣчно поминаются. А въ Архангельскій Соборъ мудрецы и простецы, молодые и старики дорогу бы знали, и могилѣ родинолюбца пастыря благодарно бы поклонялися!

Да будетъ такъ!

14 марта 1913 г.





